

Чжоу Мань с досадой потеряла виски:

— Лучше бы так.

Пробуждение зверофикации отличалось от пробуждения дикой природы. Сейчас оно все еще оставалось крайне редким явлением, однако его последствия для общества были совершенно непредсказуемы. Стоит информации просочиться наружу — и даже если девяносто девять процентов людей никогда не столкнутся со зверофикацией, это неизбежно спровоцирует панику и вызовет волну непредсказуемых потрясений.

Подумав о возможных непредвиденных обстоятельствах и посмотрев на беззаботного Тао Цэжаня, Чжоу Мань почувствовала еще большую усталость. Понизив голос так, чтобы ее слышал только он, она глубоко вздохнула:

— И зачем нужно было им рассказывать?

Тао Цэжань молча посмотрел на нее и вдруг спросил:

— А ты рассказала родным о своей зверофикации?

Чжоу Мань на мгновение опешила и лишь затем тихо ответила:

— Маме.

— И зачем нужно было ей рассказывать? — спросил Тао Цэжань ее же словами.

Чжоу Мань промолчала.

Тао Цэжань едва заметно улыбнулся и озвучил причину, которую оба они и так прекрасно понимали:

— Те, кому мы дороги, должны знать, что с нами происходит.

Его родители, бабушка и дедушка Линь У, уже умерли, а со своей сестрой, матерью Линь У, он не был особенно близок. Никто не знал, к чему в итоге приведет пробуждение зверофикации. Возможно, однажды он проснется и больше никогда не сможет вернуть человеческий облик. Ему не хотелось, чтобы в один прекрасный день Линь У обнаружил, что его дядя бесследно исчез, так и не узнав, что же произошло.

Соглашение о неразглашении было огромным. Линь У и Ван Е читали его очень долго. Каждый раз, когда им казалось, что текст подошел к концу, они пролистывали страницу вниз и обнаруживали новые пункты. Линь У даже заподозрил, что Бюро контроля звероподобных составило целый энциклопедический словарь по секретности зверофикации.

На самом деле всю суть можно было свести к нескольким словам: дело чрезвычайной важности, разглашение строго запрещено, нарушители будут сурово наказаны.

Наконец они добрались до самого конца документа, где оставалось пустое место для подписи.

Линь У облегченно выдохнул и вернул телефон Чжоу Мань.

— Прочитали? — Чжоу Мань забрала телефон.

— Да, — кивнул Линь У.

— Вопросы есть?

— Нет. — Все, о чем только можно было подумать, и даже то, что не пришло бы им в голову, было четко и ясно расписано в соглашении.

— В последний раз хочу уточнить у вас, — серьезно произнесла Чжоу Мань. — Вы действительно никому больше не рассказывали о пробуждении зверофикации? Если рассказывали, лучше признайтесь прямо сейчас. Закон обратной силы не имеет, но как только вы подпишете соглашение, любая утечка информации, источник которой приведет к вам, повлечет за собой ответственность.

Поскольку они обещали Чжао Ли держать все в секрете, Линь У и Ван Е действительно никому об этом не рассказывали.

— Хорошо. — Покончив с предварительными вопросами, Чжоу Мань повернулась к Тао Цэжаню. — Тогда начнем вносить ваши данные.

Процедура внесения данных Тао Цэжана оказалась самой сложной, ведь он был пробуждённым, прошедшим зверофикацию. Помимо основных сведений требовалось внести информацию, касающуюся его зверя.

Заполнение форм на телефоне, отправка, новая форма, новая отправка, еще одна форма... Казалось, в архив заносят сведения обо всех его предках до восемнадцатого колена. Лишь после этого они перешли к сканированию лица, радужки глаза, отпечатков пальцев и голоса.

Когда все было готово, Тао Цэжаню пришлось принять облик тундрового волка, чтобы повторить процедуру: сканирование морды, радужки, отпечатков лап, записи голоса... точнее, записи воя...

Линь У и Ван Е впервые своими глазами наблюдали процесс полной зверофикации Тао Цэжана. Мощный визуальный эффект не шел ни в какое сравнение с тем днем в кафе, когда тот превратил лишь руку.

Тао Цэжань успел закончить со всеми данными, уйти в соседнюю комнату, принять человеческий облик, одеться и вернуться назад, а Линь У с Ван Е все еще стояли как громом пораженные.

После Тао Цэжана наступила очередь Чжао Ли.

С ним все прошло гораздо быстрее: личные данные, семейство и вид животного, биометрия — лицо, радужка, отпечатки пальцев, а в завершение — соглашение о неразглашении.

Пока Чжао Ли проходил все процедуры, студенты Ван Е и Линь У наконец-то немного пришли в себя.

Чжоу Мань была занята, а вот Сюй Шо ничем не занимался.

Ван Е задумчиво покосился на него.

Сюй Шо почувствовал на себе взгляд и поднял голову.

Ван Е спросил прямо:

— Как вызвать зверофикацию?

— Это конфиденциальная информация, и мне следовало бы ответить «без комментариев», — Сюй Шо развел руками, поскольку даже при всем желании поделиться ему было особо нечем.
— Но если честно, я и сам не знаю.

— А у тебя как это произошло? — поинтересовался Ван Е.

— Да как-то... внезапно.

— Тоже в горах?

— В собственной постели. Можешь представить себе чувство, когда просыпаешься и видишь, что весь покрыт белой шерстью?

— Могу представить, — кивнул Ван Е. — Какое это счастье.

Сюй Шо лишь промолчал:

— ...

Благодаря поразительной оперативности Чжоу Мань, все четверо быстро закончили с внесением данных и подписанием документов.

Каждый, чьи данные были внесены, после подписания соглашения получал номер телефона, по которому мог в любой момент связаться со своим куратором из Бюро контроля звероподобных.

Кураторами Тао Цэжэнь, Чжао Ли, Линь У и Ван Е, разумеется, стали Чжоу Мань и Сюй Шо.

Хотя доказательств того, что пробуждение зверофикации связано с кровным родством, до сих пор не было, Чжоу Мань на всякий случай решила перестраховаться и отдельно предупредила Линь У:

— Внимательно следи за своим состоянием. Если заметишь что-то странное, сразу же свяжись с нами.

Линь У кивнул:

— Хорошо.

Солнце опустилось за горизонт, и на гору Чанбайшань опустилась безмолвная ночь.

Закончив работу, Чжоу Мань и Сюй Шо снова приняли облики снежного барса и песца и, как и при встрече, скрылись в сосновом лесу, спускающемся по склону.

Следы от лап барса и песца легли на снегу двумя параллельными цепочками.

— Устал? — заботливо спросил Тао Цэжэнь у Линь У, закрывая ворота во двор.

— Устал, — не задумываясь ответил Линь У. Сначала трястись в машине семь или восемь часов, а потом сразу, без передышки, заполнять документы и подписывать соглашения — как тут не устать? — Я, хоть и отношусь к ночному виду, сейчас мечтаю только о том, чтобы поскорее лечь спать.

В его голосе слышались мягкие, жалобные нотки.

Ван Е никогда прежде не слышал, чтобы Линь У так откровенно капризничал.

Сам Линь У этого даже не заметил и продолжал расспрашивать дядю:

— Дядя, а где мы с Ван Е будем спать?

Во дворе было всего три комнаты: в первой, с каном, они сейчас находились; во второй, расположенной слева, Чжоу Мань и Сюй Шо по очереди переодевались; а третья, справа, была заперта.

— Справа у меня мастерская, — сказал Тао Цэжань. — Так что ложитесь в левой.

Чжао Ли отправился готовить ужин, а Линь У и Ван Е, забрав свои вещи, пошли в левую комнату.

Раз жилыми были всего две комнаты, получалось, что своим приездом они с Ван Е заняли спальню Чжао Ли, и тому теперь придется тесниться вместе с его дядей.

Именно эта мысль крутилась в голове у Линь У, когда он толкал дверь.

Однако комната оказалась чисто прибранной, без малейших следов присутствия Чжао Ли. Здесь стоял такой же просторный кан и шкафчик с постельным бельем.

«Брат Чжао Ли прибрался заранее?» — удивился Линь У. Весь сегодняшний день они провели вместе, и у Чжао Ли просто физически не было времени подготовить комнату. Значит, оставался единственный вариант: здесь все прибрали еще до того, как Чжао Ли поехал в Шэньян, чтобы забрать их.

Или же...

Линь У внезапно подумал о другой возможности и пробормотал себе под нос:

— А может, в этой комнате изначально никто и не жил?

— В каком смысле? — спросил Ван Е.

— Мой дядя очень боится холода. Может, брат Чжао Ли... — всегда спал с ним в одной комнате?

Вдвоем теплее, а если замерзнешь, всегда можно обняться. Чем больше Линь У думал об этом, тем более вероятной казалась ему эта догадка.

Один кан, одно одеяло, брат Чжао Ли и дядя спят в обнимку... Так, стоп, хватит об этом думать!

Линь У изо всех сил помотал головой.

На самом деле в том, что двое мужчин спят вместе, не было ничего такого. Но Чжао Ли заботился о Тао Цэжане настолько хорошо, что Линь У порой казалось: даже если его дядя когда-нибудь заведет отношения, вряд ли этот партнер будет относиться к нему с такой же нежностью и заботой, как Чжао Ли.

Но теперь все складывалось иначе. Дядя твердо вознамерился вернуться к жизни в лесу, свидания ему не светили, зато Чжао Ли был рядом с ним день и ночь.

Вдруг в один прекрасный день брат Чжао Ли тоже пройдет зверофикацию? Волк бежит по лесной чаще, орел парит в вышине... Я поднимаю голову и вижу, как ты кружишь в небе, а ты смотришь вниз и замечаешь, как я бегу по земле...

Все, пиши пропало. Фантазия мало того что не желала останавливаться, так еще и приобретала какой-то романтический оттенок.

Во время ужина Линь У то и дело ловил себя на том, что украдкой посматривает на Тао Цэжана и Чжао Ли. Впрочем, ничего особенного он не заметил — все было точно так же, как и раньше.

Когда они вернулись в свою комнату, ночь уже полностью вступила в свои права.

Линь У наконец-то перестал забивать голову глупостями.

Кан под ними уже растопили. Огонь горел жарко, так что воздух в комнате раскалился, обдавая жаром прямо с порога.

— Почему так жарко? — Ван Е застыл перед каном, не решаясь подойти.

Да что там Ван Е, у Линь У самого на лбу уже выступил пот:

— Наверное, они привыкли топить так, чтобы согреть моего вечно мерзнущего дядю.

Ван Е снял куртку, затем футболку и, оставшись с голым торсом, запрыгнул на кан, после чего открыл шкафчик и вытащил одеяло.

<http://bllate.org/book/18288/1753649>